

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Круглый стол — ведущая Мария Тысячнюк

Инициатором специального выпуска журнала выступила руководитель группы экологической социологии ЦНСИ Мария Тысячнюк при участии Кулясовой Антонины, Кулясова Ивана и Пчелкиной Светланы, научных сотрудников ЦНСИ. Им хотелось объединить последние достижения экологической социологии с исследованиями глобализации, поэтому для участия в выпуске были приглашены ведущие социологи мира, работающие в обеих областях.

На круглый стол приглашены все авторы статей, и некоторые исследователи, чьи теоретические концепции использовали авторы. Каждый из участников отвечал на одни и те же вопросы, поскольку целью круглого стола было концептуальное объединение всех статей. Публикация материалов круглого стола дается вместо введения, чтобы читателям было легче понять, как все теории и интерпретации сочетаются между собой и в чем расхождение взглядов авторов на такие понятия, как «глобальное» и «локальное».

1. Как можно концептуализировать новые транслокальные, транснациональные социальные пространства, социальные сферы и социальные среды, созданные в результате миграции ученых и экспертов?

Саския Сассен:

Это, конечно, важный вопрос, но это не совсем та тема, над которой я непосредственно работаю, поэтому о конструировании транслокального и транснационального пространства буду отвечать в общих чертах, без конкретики. Безусловно, трансграничные экономические потоки (потоки капитала, рабочей силы, товаров, сырья), в том числе трансграничные потоки ученых и экспертов, существуют уже долгое время. На протяжении веков степень открытости / закрытости организационных форм, через которые проходили эти потоки, изменялась. Прежде национальные государства создавали для указанных потоков определенные

организационные формы в виде различных социальных систем (международных торговых, образовательных, международного сотрудничества).

За последние 10 лет глобализация коренным образом изменила пути формирования транслокальных и транснациональных пространств. Мы видим изменение масштабов стратегически значимых географических пространств и различных сфер, что приводит к появлению новых систем. Частичное снятие государственных барьеров и ослабление национального государства привело к тому, что начинают властвовать и оказывать доминирующее влияние новые пространственные единицы (которые ранее рассматривались как социальные организации). При этом новые властные взаимодействия создают новое понимание геополитического масштаба, где одни пространственные единицы влияют на другие.

Среди этих новых пространственных единиц можно отметить субнациональные единицы (города и регионы); трансграничные регионы, объединяющие две или более субнациональных единиц; наднациональные единицы, т. е. глобальные рынки и зоны свободной торговли. Другой ракурс транснационализации — это вовлечение различных профессиональных кругов в различные типы транснационализации. При этом возникают новые социальные формы, например транснациональные элитные группы, принадлежащие к различным профессиональным кругам (от бухгалтеров до менеджеров в сфере искусства).

Мария Тысячнюк:

Концептуализация новых транслокальных, транснациональных пространств, возникающих вследствие миграции ученых и экспертов, зависит от того, какого рода миграция происходит. Во-первых, миграции могут происходить в виде частых поездок ученых и экспертов на дисциплинарные конференции, например социологические, политологические и т.д. Мигрирующие ученые создают, таким образом, особые транснациональные научные сообщества, с которыми себя идентифицируют. При этом для ученых, которые постоянно ездят на встречи и конференции, участие в транснациональном международном сообществе начинает преобладать над участием в профессиональном сообществе своей страны. Та-

кие ученые в большей степени идентифицируют себя с мировым научным сообществом, чем с национальным.

Во-вторых, мигрирующие ученые, владеющие иностранными языками, легче и интенсивнее включаются в мировой научный дискурс по сравнению с теми, кто просто читает переводы иностранной литературы. Такие ученые обычно проводят исследования на материалах своей страны, но концептуализируют их с помощью теорий, созданных в транснациональных пространствах. Затем эти теории снова переосмысляются и развиваются на основе национальных материалов. Кроме того, новые концепции, родившиеся в глобальных дискуссиях, отражаются в практической деятельности ученых, поскольку большинство из них преподают или работают консультантами. В процессе работы со студентами и клиентами (заказчиками исследований) ученые продолжают осмысление и обсуждение новых идей, которые затем уже воплощаются в печатных и электронных изданиях. Так рождаются новые научные фреймы. Кроме того, практическая деятельность ученых приводит к внедрению новых идей, полученных в ходе международных дискуссий, в национальную политику.

В-третьих, ученые и эксперты могут участвовать в международных конференциях исследователей регионов, например стран бывшего Советского Союза, Африки, Южной Америки. Зачастую прямые связи между учеными стран этих регионов оказываются разорванными из-за политических процессов, проходящих в этих странах. Международные конференции объединяют транснациональные научные сети, разорванные зональными конфликтами и распадом стран. Конференции способствуют взаимопониманию ученых и совместной оценке ситуации в странах переходного периода и развивающихся странах. В конференциях по изучению регионов обычно участвуют не только академические ученые, но и эксперты из НГО, бизнеса и государственных учреждений. Таким образом, новые подходы к решению проблем регионов и стран вырабатываются в ходе межсекторального обсуждения и воплощаются в социально-политическую практику этих стран и регионов. В этом проявляется особая роль международного научно-экспертного сообщества по достижению межсекторального согласия.

В-четвертых, транслокальные и транснациональные сообщества формируются из ученых различных стран, участвующих в международных исследовательских проектах. Ученые, участвуя в таких проектах, сами составляют особую среду. Их объединяют экспертные знания в определенной узкой области, но отличает мировоззрение, сформированное в контексте своей страны. Как правило, команды ученых из разных стран проводят в своей стране исследования по единой общей схеме, а затем собираются, обсуждают и обобщают результаты.

Например, я участвую в проекте Йельского университета США, направленном на исследование процесса лесной сертификации. В него вовлечены ученые из 16 развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Подобные проекты осуществляются по заказу международных НГО и фондов. Таким образом, ученые принимают участие в разработке глобальных стратегий третьего сектора. В таких международных проектах роль ученого состоит в анализе локализации глобальных процессов. Международные проекты позволяют всесторонне оценить глобальные практики, локализующиеся в местном контексте, выработать рекомендации по их изменению, и затем внедрить эти рекомендации в международные и национальные практики.

В-пятых, миграции ученых в качестве приглашенных профессоров для преподавания в течение 1–2 семестров в вузы разных стран или в летние школы создают особую среду. Они привносят в преподавание свой взгляд, как правило, не присущий ученым той страны, в которой преподают. Так происходит глобализация учебного процесса и студенты включаются в глобальный дискурс. Преподаватели, работающие временно в другой стране, способствуют изменению имиджа и стереотипов о своей стране и о мире в целом. Ученые, работая в условиях другой страны, обучаются правилам и нормам той страны, куда приехали. После своего возвращения на родину или переезда в другую страну они привносят туда усвоенные во время миграции правила и нормы.

Часто одни и те же ученые входят во все перечисленные выше пять категорий. К этому типу ученых я отношу и себя. Можно сказать, что их жизнь проходит в миграционном потоке, о котором писал Джон Урри. «Жизнь в пути»

становится для них более важной и длительной, чем пребывание в своей стране. Их повседневные практики реализуются в пространстве миграционного потока, образ жизни фактически формируется направлением этого потока и зависит от приоритетов, возникающих в глобальном меняющемся мире. Таким образом, мигрирующий ученый играет роль «соединительной ткани» между учеными, средами, контекстами, пространством и временем.

Джон Урри:

Вопрос мигрирующих ученых интересен, но я не слишком много задумывался над ним. В 2005 г. мы проводили семинар на эту тему в Центре исследований мобильности в Ланкастере. Я убежден, что мы можем рассматривать настоящую глобальную эпоху как неоидеализм. Сегодня существуют империи (Американская, Майкрософт, Макдоналдс), города-государства (Нью-Йорк, Сингапур, Лондон), и это сочетается с пористостью границ империй и путешествием интеллектуалов, а также звезд спорта, поп-звезд и других знаменитостей, «раскрученных» СМИ.

Это сопровождается уменьшением их привязанности к национальному государству. В общем, эти индикаторы свидетельствуют о развитии различных социальных сред за пределами «обществ», поэтому имеется необходимость развития социологии за пределами общества (национального общества).

Артур Мол:

Мобильность ученых и экспертов является, с одной стороны, одним из индикаторов появления транснациональных социальных пространств, а с другой стороны, одной из сил, которые создают эти пространства. Но не следует переоценивать роль академического сообщества в процессе глобализации. Основная задача ученых состоит в интерпретации новых тенденций в социальном развитии, что позволяет прогнозировать будущее развитие. Однако в условиях комплексного характера глобальных процессов, как было отмечено в работах Баумана, роль ученых и экспертов как «законодателей моды» снижается.

Безусловно, мы наблюдаем существенное расширение институционализации международных научных сетей и глобальных ассоциаций экспертов. Разнообразные международные конференции представляют широкие возможности для научных обменов и дискуссий. В результате ученые и эксперты из разных стран имеют все больше общих ценностей и норм. Одновременно растет понимание того, что и различия в нормах и ценностях также правомерны. Это наиболее зримо проявляется в экологической сфере, где состояние природных объектов непосредственно связано с использованием тех или иных социальных практик, норм и ценностей.

Дара О'Рурке:

Я считаю, что общественный диалог, общественная дискуссия, управление уже вышли за рамки национальных государств и местной политической юрисдикции и стали предметом более туманного пространства глобальной политики и гражданского общества.

Ведущей силой в этом процессе являются международные корпорации, при этом НГО, различные консультанты, академические ученые и, конечно же, сотрудники компаний оказываются вовлеченными в транснациональные пространства. Глобальная культура, нормы и социальные сети все шире формируются в этих транснациональных пространствах, поэтому все основные битвы за социальную справедливость, сохранность окружающей среды, улучшение условий труда, права человека уже происходят и будут происходить в транснациональных пространствах и сферах.

Бенджамин Кашор, Грем Аулд и Диана Ньюсон:

Для ответа на этот вопрос необходимо, во-первых, понять как миграция ученых и экспертов влияет на характеристики научного сообщества, во-вторых, оценить, влияют ли изменения в сообществе на создание новых глобальных ценностей и норм. Например, роль экспертов и ученых ярко проявляется в процессах лесной сертификации. Они не только исследовали, как эволюционировали системы лесной сертификации, но и внесли значительный вклад в разработку практик управления сертификационными процессами. Вместе с тем участие экспертов и ученых в сертификации как

новой социальной сфере влияет на глобальные нормы и ценности.

На данном этапе появление лесной сертификации является следствием более широких изменений глобальных норм, таких как сохранение ключевых биотопов, биоразнообразия, старовозрастных лесов, соблюдение техники безопасности и достойная оплата труда рабочих, охрана прав коренных малочисленных народов, общественное участие. Лесная сертификация при этом, используя рыночные механизмы¹, помогает решению вышеперечисленных социальных и экологических проблем. Лесная сертификация оказывает существенное влияние на утверждение новых глобальных ценностей и норм.

Мы ставили исследовательский вопрос: может ли лесная сертификация стимулировать взаимодействие и взаимообмен между социальными группами (государственными чиновниками, НГО, местными жителями), которые формально не взаимодействуют между собой и имеют конфликтующие ценности и представления? То есть, лесную сертификацию можно сравнить с Интернет-форумом, на котором происходит обмен идеями и широкая дискуссия. Исследователи общественно-политических процессов, в том числе, Пол Себастиер, Хенк Дженкинс-Смит и Петер Холл, предлагают достаточно глубокий анализ подобных взаимодействий межсекторального и трансграничного характера и условий, которые им способствуют².

При взаимодействии различных групп происходит взаимное обучение представителей разных секторов общества, а результатом является внедрение новых знаний в политическую практику. Таким образом, в жизнь вводятся новые

¹ Bernstein S. The Compromise of Liberal Environmentalism. NY.: Columbia Univ. Press, 2002.

² Sabatier P.A. (ed.) An Advocacy Coalition Lens on Environmental Policy. Cambridge, Mass: MIT Press, 1999; Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. The Dynamics of Policy-Oriented Learning // In Policy Change and Learning An Advocacy Coalition Approach / Ed. P.A. Sabatier. Cambridge, Mass: MIT Press, 1993; Hall P. Policy Paradigms, Social Learning and the State: the Case of Economic Policymaking in Britain // Comparative Politics. 1993. No. 25. 3 April.

нормы и ценности, рожденные при взаимодействии секторов. Исследуя лесную сертификацию, можно увидеть механизмы этих изменений. Например, сотрудники социальных институтов, созданных лесной сертификацией, могут проанализировать, как в результате их участия меняются их собственные ценности и нормы.

Ирина Олимпиева:

Я хотела бы обратить внимание на то, что именно возросшие возможности научного обмена, интенсификация научных контактов позволяют преодолевать так называемый евроцентризм социальных наук. Выясняется, что многие концепции, хорошо работающие в условиях европейских социально-экономических систем (поскольку они и были разработаны для этих систем), мало что объясняют в странах, имеющих иные социально-экономические, исторические и культурные корни. Общение ученых разных стран помогает обнаружить эти несоответствия. Нельзя не отметить также и оборотную сторону интенсификации международных контактов ученых, а именно, феномен научного колониализма. Он проявляется не только в использовании локальных научных сообществ лишь для сбора эмпирических данных, но и в привнесении научных концепций, под которые зачастую «подстраивается» локальная эмпирика. В результате хотя для описания ситуации в разных странах используются одни и те же термины, обозначаемые ими явления различаются существенно.

Иван Кулясов:

Хочу отметить два момента. Первый — это то, что в миграции ученых и экспертов можно увидеть способ воспроизводства международных научных сетей и глобальных ассоциаций экспертов, которые, несомненно, образуют транснациональные и транслокальные среды. Эти среды формируются людьми, которые смогли мигрировать, то есть, как я считаю из своего опыта, они смогли пройти два барьера. Первый — барьер качественный. Сюда входят качества человека — его знания и умения, мотивы, цели и задачи, осуществление которых зависит от миграции. Если качеств недостаточно, то миграция не происходит. Второй — барьер

количественный, или ресурсный. Сюда входят ресурсы — предметы и их символы. Если количества ресурсов недостаточно, то миграция тоже не происходит. Если оба барьера пройдены, то миграция ученых и экспертов происходит, цели и задачи осуществляются во всем их многообразии, сопутствующие предметы и символы перемещаются в русле глобальных потоков, о чем уже говорилось участниками этой дискуссии. Я согласен с их концептуализацией и выводами.

Второй момент — это то, что в условиях глобализации трехсекторальный конструкт общества, который не раз подвергался критике, уже не отвечает реалиям настоящего времени. Было уже много попыток выделить ученых и специалистов, т.е. экспертов, а также работников СМИ, учителей, писателей, программистов и так далее в отдельную сферу — информационную, или назвать их четвертым сектором. Эти попытки обусловлены тем, что возникли и были выявлены новые глобальные социальные среды и сферы, рассматриваемые в глобальном контексте³. Поэтому, при анализе в рамках теории экологической модернизации, я к основным акторам экологической модернизации — власти, бизнесу и общественности — добавляю работников научных учреждений и журналистов.

Наши исследования показывают, что именно ученые, эксперты и журналисты создают специфические потоки информации, способствующие или препятствующие экологической модернизации, и направляют их к другим акторам экологической модернизации. Они также осуществляют обеспечение обратной информационной связи как между акторами локальной экологической модернизации, так и внутри глобальных социальных сетей. Выделение среди акторов экологической модернизации науки и СМИ обусловлено их способностью играть независимую от государства и бизнеса роль в процессе экологической модернизации. Это стало возможным благодаря развитию глобальных информационных систем и международных благотворительных фондов. Таким образом, ученые и журналисты

³ Кулясова А.А., Кулясов И.П. Уровни разработки концепции и реализации устойчивого развития: вчера, сегодня, завтра // Зеленый мир. 2001. № 1–2. Январь.

смогли высказываться не как часть политического, экономического или общественного сектора, а как независимые эксперты, принадлежащие к новой транслокальной или транснациональной среде. Цель людей, принадлежащих к этим средам, — информирование населения о состоянии влияющих на них природных объектов, недостатках государственной экологической политики и влиянии ее на бизнес, ухудшающий состояние окружающей среды, проблемах институтов гражданского общества в деле решения социальных вопросов.

2. Существует ли глобальное гражданское общество? Как можно охарактеризовать локальное гражданское общество в контексте глобализации?

Тысячнюк Мария:

Я считаю, что как такового глобального гражданского общества в настоящее время не существует, но основы его уже зарождаются. В формирующемся гражданском обществе появляется транснациональная идентичность граждан национальных государств. Участники новых общественных движений, таких как пацифистское, экологическое, феминистское, сексуальных меньшинств и движение за права человека, сохраняя идентичность со своей страной, формируют транснациональную идентичность с участниками международного движения. Новая транснациональная идентичность включает новые нормы, ценности, дискурсы. Формированию транснациональной идентичности способствует развитие новых технологий, электронные средства связи, Интернет.

Еще в большей степени транснациональную идентичность и глобальное гражданское общество формируют специальные трансграничные среды, такие как мировой гражданский форум, мировой гражданский экономический форум, движение антиглобалистов. В глобальных форумах участвуют активисты всех вышеперечисленных движений, профсоюзы и те, кто выражает экономические требования к международным организациям — МБРР, ВТО и т.д. При этом формируется социальная среда, в которой новая глобальная идентичность дополняет национальную. Это не значит,

что участники перечисленных движений и сред представляют глобальное гражданское общество, поскольку местные интересы для них важнее. Возможно, только координаторы этих движений и отдельные активисты в большей степени идентифицируют себя с глобальным обществом, и их ценности отрываются от национальных приоритетов. Кроме того, и некоторые государственные союзы (ЕС, СНГ) тоже создают объединяющие среды, где формируется идентичность людей, выходящая за пределы страны. Эти союзы создают условия участия граждан в социально-политических процессах за пределами национального государства.

Сети НГО также являются ячейками глобального гражданского общества. Например, сети Гринпис или сети WWF, развернутые во многих странах мира. Обе организации являются глобальными акторами, формирующими негосударственную политику, поскольку их стратегии ориентированы на выход за пределы национального государства. Однако эти НГО используют различные стратегии, что определяет характер их вовлеченности в глобальную политику. Стратегию Гринпис Пол Вапнер определяет как «политический глобализм», поскольку их акции прямого действия используют экологическую сенситивность широких слоев населения мира⁴. Гринпис привлекает внимание к экологически горячим точкам планеты и фокусируется на таких проблемах, как захоронение ядерных отходов, охота на китов, разливы нефти, вырубка девственных лесов. Журналисты при этом интерпретируют события с помощью ярких образов, направленных на чувства людей.

Это формирует новые ценности и мобилизует людей на изменение экологической политики. Стратегия WWF, наоборот, являются политическим «локализмом», поскольку модели, разработанные в одних странах, переносятся в другие. Модель предполагает адаптацию практик к местным экологическим, социальным и экономическим условиям. WWF придает большое значение работе с местным населением для адаптации переносимых моделей. В наших исследованиях мы анализировали политический «локализм» на примере модельных лесов.

⁴ Wapner P. Environmental Activism and World Civic Politics. Albany, NY.: SUNY Press, 1996.

Джон Урри:

Пока я не вижу существования глобального гражданского общества. Тем не менее уровень появляющихся за пределами «общества» социальных феноменов говорит, что глобальное гражданское общество может развиваться. В таких процессах СМИ создают оппозицию упомянутым выше империям, поскольку они объясняют контекст и обеспечивают привлекательность того или иного феномена для разнородных групп. СМИ обеспечивают условия для борьбы против империй, особенно там, где империи и связанные с ними среды могут стать предметом публичного «очернения». Подобные возможности СМИ являются ключевым элементом в создании и воспроизводстве глобального гражданского общества.

Саскиа Сассен:

Я не слишком часто использую категорию «глобальное гражданское общество». Мне думается, что она является слишком общей. Я предпочитаю говорить о трансграничных сетях, связывающих общим действием многочисленные локальности, которые расположены в пределах различных национальных границ. Мне нравится сводить категорию «глобальное гражданское общество» к сферам и практикам повседневной жизни. Сегодня в нас сильно представление, что наши единомышленники по всему миру вовлечены в борьбу за одни и те же ценности. Это создает впечатление, что глобальное гражданское общество существует. Но это впечатление скорее коренится в ощущениях повседневного жизненного пространства, чем свидетельствует о наступлении новой глобальной стадии развития.

В глобальное гражданское общество я включаю трансграничные сети активистов, вовлеченных в какую-либо специфическую локализованную борьбу. При этом, даже если такая борьба связана с решением местных проблем, она вносит вклад в формирование глобальной политики. Основная сложность для исследователя состоит в том, чтобы осмыслить локальные сети, решающие местные проблемы, в качестве глобальных акторов, несмотря на то, что они продолжают представляться как национальные акторы.

В своей работе я концентрирую внимание именно на этих локальных типах практик и настаиваю на том, чтобы они учитывались при концептуализации глобальных процессов и включались в рассмотрение как силы, способствующие глобализации. Ученые, исследующие глобализацию, часто заостряют свое внимание только на очевидных глобальных акторах, не учитывая вклада в глобальные процессы транснациональных акторов. Мы видим появление новых транснациональных социальных форм, одной из которых является глобальный город. Это очень специфическая форма, представляющая глобальный процесс.

Глобальный город локализует существующую глобальную динамику и трансформирует существующие типы социального неравенства. Глобальный город представляет жителям, находящимся внизу социальной лестницы, новые жизненные возможности, главной из которых является включение в транснациональные процессы. Я имею в виду не появление абсолютно новой социальной формы, а скорее субъективное переопределение старых социальных практик в транснациональный фрейм. Транснациональные иммигрантские семьи и сообщества являются хорошей иллюстрацией для вышеперечисленных процессов. Новый транснационализм становится повседневностью глобальных городов. Он формируется через цепь случайных явлений, таких как столкновение людей со всего мира на улицах, рабочих местах, в местах проживания. Может оказаться, что объединенными в одну среду окажутся профессионалы высокого профиля и неквалифицированные рабочие, которые в своей стране никогда бы не смогли встретиться за одним столом. При этом мы часто наблюдаем осознание глобальности как неравенства и противоречий между различными национальными ценностями. Это осознание включается обычно глобальными СМИ и возникает благодаря видимым проявлениям глобального в этих городах.

Артур Мол:

Конечно, мы можем обсуждать терминологию и интерпретации глобального гражданского общества. Однако сначала надо согласиться с тем, что гражданское общество глобализируется, то есть усилились тенденции глобализации

его практик, взаимодействий и интерпретаций фреймов. Я считаю, что говорить о глобальном гражданском обществе пока следует очень осторожно уже потому, что одна часть гражданского общества может взаимодействовать на значительном расстоянии, а другая не может, поскольку первая имеет доступ к глобальным компьютерным сетям, а вторая не имеет. Это создает новое социальное неравенство, исключая часть гражданского общества из пространства глобальных потоков, сетей и узлов управления.

Бенджамин Кашор, Грем Аулд и Диана Ньюсон:

В нашей работе мы показываем, как системы лесной сертификации пытаются стать легитимными в глазах заинтересованных групп и гражданского общества. Мы рассматриваем гражданское общество через ценности и поведение граждан, представляющих широкие слои населения. То есть важным является то, как жители оценивают свою социальную и природную среду и как они действуют на рынке в соответствии со своими ценностями. Мы не рассматриваем организации или социальные структуры как компоненты гражданского общества, поскольку считаем, что они оперируют под воздействием иной логики, чем гражданское общество. В своих исследованиях мы стараемся определить путь, с помощью которого негосударственные, продвигаемые рынком программы управления обретают легитимность у организованных заинтересованных групп, таких как WWF, который имеет свои ценности. Анализ деятельности WWF заслуживает особого внимания⁵.

Вопрос, существует ли глобальное гражданское общество, является спорным. Мы используем эту категорию, поскольку она удобна для анализа наших данных. В созданной нами концепции негосударственного продвигаемого рынком управления мы выделяем гражданское общество, чтобы дифференцировать НГО и широкие массы населения. В настоящее время WWF оказывает наибольшее воздействие на не-

⁵ Cashore B. Legitimacy and the Privatization of Environmental Governance: How Non State Market-Driven (NSMD) Governance Systems Gain Rule Making Authority // Governance. 2002. No. 15. 4 October.

государственное продвигаемое рынком управление. Поддержка гражданским обществом таких организаций как WWF необходима им для давления на другие заинтересованные группы в процессе продвижения лесной сертификации.

Остается вопрос: как охарактеризовать локальное гражданское общество в контексте глобализации? В глобальном масштабе только небольшое количество отдельных граждан активно участвуют в создании потребительских рынков и вносят вклад в развитие организованных групп по интересам. Влияние гражданского общества на создание альтернативных рынков, например, рынков сертифицированной продукции, чрезвычайно слабо исследовано. Тем не менее важно понять роль гражданского общества в механизмах развития негосударственного управления.

В конечном счете, сейчас очень важен вопрос: как гражданское общество воздействует на новые, только возникающие арены власти? ЭкоНГО и неформальные экологические группы являются гарантами доверия к негосударственным системам управления. При этом не исследовано, насколько действия НГО связаны с ценностями гражданского общества. Исследование отношений экоНГО и гражданского общества представляет собой практический и академический интерес⁶.

Дара О'Рурке:

Я верю, что нечто похожее на глобальное гражданское общество существует. Оно все еще находится в стадии возникновения и его трудно охарактеризовать. Однако я думаю, что мы обнаруживаем черты новых форм гражданского общества в виде трансграничного взаимодействия при организации потребительских бойкотов продуктов, произведенных с нарушением экологических требований или прав рабочих, а также в политической сфере и т.д. Эти новые

⁶ Keohane R.O. The Concept of Accountability: Rough Draft Chapter for Projected Book Project // In for discussion of World Resources Institute. Washington DC, 2002; Koppell J. Pathologies of Accountability: ICANN and the Challenges of 'Multiple Accountabilities Disorder' // Public Administration Review. 2005; Courville S. Social Accountability Audits: Challenging or Defending Democratic Governance // Law and Policy. 2004. No. 25. 3 July.

формы говорят о потенциале формирования глобального гражданского общества. В газете «Нью-Йорк Таймс» перед вторжением США в Ирак было сказано: *«Сейчас существует две мировые сверхсилы — США и мировое общественное мнение. Если общественность не может остановить США, то она может организовать сильную оппозицию политике США по всему миру и заставить правительство США действовать под влиянием этой оппозиции»*. Акторы и институты местного гражданского общества являются основой зарождающегося глобального взаимодействия и глобальной политики. Местная борьба, инициативы местных сообществ, их наблюдение за деятельностью международных корпораций — все это ключевые точки построения трансграничного гражданского общества.

Ирина Олимпиева:

Вопрос ставится довольно широко, и ответ на него в значительной степени зависит от того, что вкладывается в понятие «гражданское общество». Не углубляясь в академический дискурс об истоках и возможных интерпретациях этого термина, можно сказать, что наиболее распространенный взгляд на гражданское общество представляет его как сектор некоммерческих, негосударственных организаций, выполняющих роль посредников между индивидами и государством либо занимающихся решением проблем, которые государство по тем или иным причинам решить не может. К числу организаций гражданского общества относятся как идеологические борцы за права человека и демократизацию, так и НГО, работающие скорее в сфере «упорядочивания» повседневной жизни, т.е. выполняющие функции, связанные с совершенствованием социальной жизни, регулированием социальных отношений, их «цивилизацией» на уровне локальных сообществ.

Если судить по возрастающему количеству международных проектов сотрудничества различных организаций гражданского сектора, наверное, можно говорить о возникновении глобального гражданского общества. Свидетельством тому является интенсификация взаимоотношений и усиление координации деятельности НГО в различных странах мира. В значительной степени подобное сотрудничество ко-

ординируют и оказывают ему финансовую поддержку новые, транснациональные организационные образования (как это уже отмечали участники круглого стола).

Говоря о возникновении глобального гражданского общества, не менее важно рассматривать его как часть глобальной культуры. Под глобальной культурой я подразумеваю некий конвенциональный набор демократических ценностей, представлений о правах человека, недопустимости неравенства и дискриминации, о взаимоотношениях личности и государства, которые, будучи признаны значимыми, «положительными» и моральными в развитых странах, тиражируются по всему миру и становятся доминирующими (или, по крайней мере, провозглашаются таковыми) в других странах. В этом смысле также можно говорить о глобализации гражданского общества, однако в данном ракурсе процесс предстает более противоречивым. Важным моментом здесь является то, насколько привнесенные представления и ценности вступают в конфликт с локальными социо-культурными нормами и принятыми правилами, регулирующими реальные взаимодействия людей, организаций и институтов. Зачастую результатом становится возникновение параллельных (двойных) систем ценностей и правил.

Иван Кулясов:

На мой взгляд, глобальное гражданское общество существует и развивается. Остается дискуссионным вопрос о его численности, составе и силе (влиятельности на глобализационные процессы). Если взять для примера участие представителей НГО в Международной конференции по устойчивому развитию в 1992 г., а затем в саммитах Рио+5 и Рио+10, а также всемирно известные акции прямого действия во время саммитов Большой Восьмерки, направленные на продвижение мнения международной общественности, то в таких случаях можно говорить о силе общественности и о ее глобальном влиянии, а значит, и о существовании глобального гражданского общества.

В России есть три взаимодополняющих друг друга потока усилий, направленных на формирование и воспроизводство глобального гражданского общества. Во-первых, гражд-

данское общество развивается благодаря деятельности сетей международных НГО. По данным наших исследований, чаще всего гражданское общество в России существует на локальном уровне, пока оно культивируется международными НГО (экологическими, правозащитными, социальными). Если внимание международных НГО к местным гражданским инициативам ослабевает и финансирование перестает поступать, то западные формы гражданского общества в России исчезают⁷.

Второй поток усилий направлен от государства и бизнеса, которые стремятся к модернизации, то есть выполнению современных международных норм и правил с целью участия в международных соглашениях. Таким образом, первый и второй сектор находятся под сильным воздействием глобализационных процессов. Такими процессами являются, например, сертификация предприятий лесного бизнеса по международной системе FSC, подготовка Российского государства к вступлению в ВТО и т.д. Эти процессы обязывают бизнес и власть формировать, поддерживать и развивать национальное гражданское общество, что они и делают по мере своего разумения, стараясь сохранить свои специфические интересы и дистанцию от общественного сектора⁸.

Третий поток — это собственно российское общественное движение за построение гражданского общества, которое в последние годы бурно растет и развивается. Это движение имеет исторические корни, например Вадим Волков называет его движением общественности с 200-летней традицией⁹. Возрождение этой традиции в новых формах прояви-

⁷ Кулясов И.П. Об опыте общественного участия в процессе добровольной лесной сертификации по системе FSC на Северо-западе России // Спектр: Экология в Северо-западном регионе России. СПб.: ТЭИА, 2004. Октябрь. <http://www.spectrum.net.ru>.

⁸ Кулясов И.П., Кулясова А.А. Системы добровольной лесной сертификации в России и их последствия на локальном уровне // Проблемы лесных отношений в России: глобальный, региональный и локальный контексты. 2004. Ноябрь. <http://www.forest.ru/rus/workshops/ecocisr/kulyasov.html>.

⁹ Волков В. Общественность: российский вариант концепции гражданского общества // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст / Под ред. Е. Здравомысловой и К. Хейкинен. СПб.: ЦНСИ, 1996. Вып. 3.

лось начиная с 2002 г., когда в Москве прошел первый общероссийский гражданский форум. В последующие годы гражданские форумы проводились в других городах (региональных столицах), началось создание крупных сетевых НГО (общественных палат), призванных осуществлять гражданский контроль за законодательной и исполнительной властью, а также с помощью акций протеста и судебных исков пресекать противоправные действия чиновников и бизнесменов¹⁰. Эти общественные палаты действуют не только на местном, региональном и национальном уровне, но и на международном, продвигая и осуществляя глобальные социальные и экологические проекты.

3. Как глобализация влияет на мировую социальную стратификацию?

Саския Сассен:

Я понимаю социальную стратификацию как появление на мировой арене новых типов социального неравенства, связанных с глобализацией. Бездомность это проблема, существующая на протяжении длительного времени, но она может выражаться в различных социальных формах. Сегодня в большинстве глобальных городов бездомность связана с развитием дорогостоящего городского пространства, которое представляет собой офисы и инфраструктуру, обслуживающие высший класс, состоящий преимущественно из менеджеров международных корпораций, относящихся к глобальным акторам. Граждане с низким уровнем дохода вытесняются из городских пространств, пополняя ряды бездомных. Таким образом, меняется структура бездомности, то есть все больше семей, женщин и детей становятся бездомными. Это совершенно очевидно в Лондоне, Нью-Йорке, Москве. В Токио количество бездомных перечисленных категорий меньше, зато среди бездомных больше пожилых мужчин и женщин. Таким образом, через призму глобального города можно увидеть глобализацию в ее конкретных

¹⁰ Кулясов И.П. Динамика экологического движения: экополитический аспект на примере Вологодского региона // Спектрум: Экология в Северо-западном регионе России. СПб.: ТЭИА, 2003. Октябрь. <http://www.spectrum.net.ru>.

практических проявлениях на локальном уровне. В своих исследованиях политических аспектов я стараюсь смотреть, как проявляется глобализация на низовом уровне, как она кодируется в национальных терминах, стараюсь преодолеть сложившиеся стереотипные подходы к исследованию глобализации. Глобальные города должны стать стратегическими точками для выявления незащищенных и обездоленных слоев населения.

Второй вопрос — взаимоотношения между социальными формами и пространствами. В городах представлены множественные обособленные социально-пространственные формации. Конкретное пространство может быть «заселено» более чем одной формацией. Например, ночью Уолл Стрит заполнена дворниками-иммигрантами, тогда как днем на ней можно увидеть только представителей высшего класса профессионалов.

В-третьих, мы должны понимать, что глобальный город это производящая точка. Она производит такие возможности глобального характера, как контроль за деятельностью глобальных рынков и производств. При этом хочется подчеркнуть множественность практик и акторов, которые нужно соединить для осуществления возможности глобального контроля. Глобальные контрольные структуры включают множество организаций и людей, которые, на первый взгляд, никакого отношения к глобализации не имеют. Необходимо также подчеркнуть, что для существования глобальных контрольных структур важно воспроизводство как высокопрофессионального звена, так и низкооплачиваемого обслуживающего персонала. Я вижу формирование нового глобального класса, состоящего из менеджеров, профессионалов высокого уровня, владельцев капитала. Эти люди вносят значительный вклад в глобальную экономику, тем самым становятся компонентами социального воспроизводства и субъектами национальной политики. Все это в условиях глобализации приобретает черты специфической социально-пространственной политической формации.

Суммируя вышесказанное, отмечу, что глобальный город демонстрирует сконцентрированное сосуществование силы и бессилия, что определяет его стратегический политический характер. Если принять во внимание, что боль-

шие города концентрируют и глобальный капитал ведущих секторов экономики, и все возрастающее количество обездоленного населения (иммигрантов, женщин, «цветных»), то можно понять, что города становятся местом сосредоточения всевозможных конфликтов и противоречий. Таким образом, мы можем рассматривать города как узлы противоречий и глобализации капитала.

Все это заставляет нас обратиться к более ранним историческим формациям, когда в обществе шла борьба за присвоение гражданства и статусов. Города и гражданское общество играли тогда ведущую роль. Сегодня большой город является стратегическим узлом новых типов действия. В нем воплощаются новые формы социальной напряженности между глобальным высшим классом и новыми обездоленными. Потеря власти производителями на национальном уровне дает возможность обрести силу новым субнациональным формам власти и политики. Сегодня власть национальных правительств пошатнулась, они больше не формируют социальный процесс. Падение национального государства открыло возможности для новой географии политики, которая соединила субнациональные пространства. В этой новой географии политики главенствуют глобальные города.

Артур Мол:

Конечно, глобализация влияет на социальную стратификацию. Было бы странно, если бы влияние такого важного социального феномена отсутствовало. Вопрос состоит в том, каким образом происходит это влияние, как оно отличается от влияния ранних стадий капиталистического общества? Кроме того, во времена «просто модернизации» мы имели социальную стратификацию в мировом масштабе, и тогда существовал термин «третий мир», который сейчас потерял адекватность в выражении стратификации.

Мария Тысячнюк:

Глобализация стратифицирует среду ученых. Она как создает, так и сглаживает социальное неравенство. Люди, вовлеченные в глобальные сети, как правило, выигрывают, используя их преимущества и ресурсы. Так, например, рос-

сийские ученые, которые ездят на международные конференции и получают гранты международных фондов, выигрывают по сравнению с теми учеными, кто не участвует в этих процессах. Если взять сельскую местность, то местные сообщества сильно различаются в зависимости от того, насколько они вовлечены в международные процессы. Например, в деревне, расположенной вблизи природного резервата, имеющего международный статус, практики сообщества и социально-экономическая ситуация могут существенно измениться под влиянием глобальных природоохранных процессов по сравнению с аналогичной деревней в том же регионе. Таким образом, в сельской местности социальная стратификация может зависеть от вовлечения в международный проект.

На социальную стратификацию также может влиять деятельность крупной международной корпорации в локальном сообществе. У ее местных работников условия труда и оплаты значительно лучше, чем на национальных предприятиях той же отрасли. Это происходит потому, что корпорация приносит с собой социальные стандарты, которые обычно выше, чем принятые в стране. Корпорации могут влиять на стратификацию сразу в нескольких странах. Индийский или китайский рабочий может работать в корпорации Майкрософт, при этом происходит двойной эффект. С одной стороны, он получает зарплату выше (повышает свой социальный статус), чем аналогичный сотрудник национальной компании, но ниже, чем сотрудник в США.

Другой аспект стратификации корпораций можно проиллюстрировать на примере переноса корпорациями своих производств из индустриальных стран в развивающиеся страны, в этом случае корпорации могут принять существующие в этих странах стандарты, тем самым, занизив их по сравнению со стандартами развитых стран. Таким образом, глобализация порождает использование дешевой рабочей силы в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Это порождает новую стратификацию в обществе и новое социальное неравенство. В противовес отмеченным отрицательным процессам глобализации развивается глобальный процесс добровольной сертификации в различных областях, как правило, подразумевающей высокие соци-

альные, экологические и экономические стандарты, которым должны соответствовать сертифицированные компании, вне зависимости от страны в которой они действуют. Примерами международных систем добровольной сертификации служит сертификация устойчивого лесопользования; экологического туризма; продуктов питания, выращенных без применения химических веществ; шоколада и кофе, произведенного и выращенного компаниями, соблюдающими права рабочих, и т.д. Добровольная сертификация смягчает социальные последствия глобализации, поскольку нивелирует вышеперечисленные неравенства в индустриальных и развивающихся странах. Подробнее об этом будет рассказано в этом журнале в статьях Бенджамина Кашора, Грема Аулда, Дианы Ньюсон, Дара О'Рурке, Марии Тысячнюк, Антонины Кулясовой и Ивана Кулясова.

Дара О'Рурке:

Дискуссия на эту тему была довольно жаркой. Спектр влияния глобализации на различные социальные процессы и социальные группы весьма широк. Тем не менее я согласен с глубоким анализом данных по стратификации Роберта Уэйда, который утверждает, что в связи с глобализацией неравенство между странами и внутри стран усиливается. Китай и Индия — две страны, чей пример демонстрирует, что глобализация приносит выгоды бедным странам и сокращает стратификацию в мире. Эти страны определенно сделали большой шаг в сторону увеличения ВВП. Несмотря на это, поскольку данные по обеим странам достаточно противоречивы и доход населения вырос неравномерно, я считаю, что неравенство и социальная стратификация в целом продолжают увеличиваться.

Бенджамин Кашор, Грем Аулд и Диана Ньюсон:

Пути и формы влияния глобализации на социальную стратификацию пока еще довольно неопределенны. Они могут зависеть от различных причин, в том числе от социального масштаба (пространства). В нашей работе мы не отвечаем на этот вопрос в целом, но проливаем свет на некоторые возможные пути влияния глобализации на социальную стратификацию. Они связаны с уязвимостью имид-

жа корпораций перед лицом общественных движений, когда бренд корпорации атакуется активистами общественных движений, то есть бренд компании становится предметом манипуляции. Уязвимость бренда иллюстрируется кампанией против Nike. Этот и другие примеры объясняют, как одна из граней глобализации, то есть превалирование международных корпораций, может привести к изменениям. Корпорации дорожат своей репутацией и боятся отрицательного имиджа, поэтому они открыты к сотрудничеству в решении глобальных вопросов социальной несправедливости.

Джон Урри:

Одна из новых форм социальной стратификации, возникшая под влиянием глобализации, это изменение мобильности. Мы можем отметить, что в мире разнородной мобильности те, кто не имеет возможности передвигаться, занимают более слабые позиции по сравнению с теми, кто вынужден передвигаться, независимо от того, хотят ли они этого или нет. Существует и другое измерение стратификации, называемое «мобильный капитал», который находится за пределами форм капитала (символического, социального, культурного), известных из работ Пьера Бурдьё. Мобильный капитал включает не только доступ к средствам передвижения — самолету, машине, велосипеду или другим, но и доступ к иным инструментам мобильности (мобильные телефоны, портативные компьютеры, кредитные карточки). Мобильность влечет за собой различные формы капитала, новые права и обязанности.

Антонина Кулясова:

Классическими примерами стратификации являются такие социальные преобразования в жизни индивида, как переселение из деревни в город, переход из подчиненного в начальники, превращение бедного в богатого и так далее. Все это Макс Вебер назвал изменениями экономических, политических и культурных статусных позиций¹¹. Но вектор этих изменений, конечно же, определяется ценностями индивида, заложенными в него той социальной (дискурсив-

¹¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.

ной) группой, с которой он себя идентифицирует. Поэтому к новым, неклассическим примерам стратификации, возникшим вследствие глобализации, можно отнести глобальные процессы переселения горожан в пригороды и экопоселения, неучастие в работе иерархических структур, отказ от философии потребления в пользу сознательного минимализма для сохранения природных ресурсов.

Я согласна с мнением участников круглого стола о том, что глобальные города стали средой, где существуют новые неравенства, проблемы и риски. Например, жители практически всех российских городов, так или иначе, страдают от их загрязнения. Жизнь горожан можно назвать жизнью на загрязненной территории. Кроме того, во многих крупных городах России или городах с градообразующими предприятиями химической, металлургической, целлюлозно-бумажной промышленности загрязнение и его влияние на качество жизни и здоровье наиболее выражено (ПДК загрязняющих веществ в воздухе, воде, земле, пище, жилье, организме людей постоянно превышены)¹². Жизнь населения в таких городах, по сути, протекает в условиях экологической катастрофы. Этот феномен опять же во многом обусловлен глобализацией и раскрыт в теории общества риска и рефлексивной модернизации Ульриха Бека. Таким образом, возникает стратификация, связанная с экологическим статусом места. Переезд в более благоприятную экологическую среду становится формой социальной стратификации¹³.

¹² Kulasova A.A., Kulasov I.P. Local Case Study 1: Sokol'skiy Pulp and Paper Mill // Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Development / Eds. J. Kortelainen, J. Kotilainen. Joensuu: University of Joensuu, Publications of Karelian Institute, 2002; Кулясов И.П. Восприятие местными жителями своей жизни на загрязненной территории (город Сокол Вологодской области) // Спектр: Экология в Северо-западном регионе России. СПб.: ТЭИА, 2003. Июль. <http://www.spectrum.net.ru>.

¹³ Кулясов И.П. Экопоселения на Северо-западном Кавказе и Горном Алтае: инициативы создания // Экопоселения в России и США / Под ред. М. Соколова. СПб.: ЦНСИ, 2004. Вып. 10; Кулясова А.А. Экологическое поселение Тиберкуль: в поисках альтернативного образа жизни // Экопоселения в России и США / Под ред. М. Соколова. СПб.: ЦНСИ, 2004. Вып. 10.

4. Как Вы считаете, может ли сертификация потребительских товаров быть эффективным инструментом защиты окружающей среды в условиях глобализации?

Бенджамин Кашор, Грем Аулд и Диана Ньюсон:

Этот вопрос открыт для обсуждения. Ни наш анализ, ни чей-либо другой пока не могут его полностью прояснить. Большая часть размышлений на эту тему связана с моделями, объясняющими позицию частного предпринимателя в производстве общественных благ. Согласно этим теориям, такая частная инициатива, как сертификация, неизбежно будет вызывать необходимые действия по охране окружающей среды и возмещать глобальные неравенства. Поскольку мы говорим о благах, имеющих общественную природу, то жители стран и гражданское общество, для которых охрана окружающей среды является ценностью, оказываются перед лицом той реальности, что их экологически и социально ответственные покупки не несут совокупного эффекта. Когда индивид покупает сертифицированный кусок дерева, это не имеет существенного влияния на глобальную экологическую обстановку. Конечно, есть часть гражданского общества, которая готова платить больше за то, чтобы продукты, которые они потребляют, были социально и экологически дружественными, но их разрозненные действия не обеспечивают желаемого обществом уровня охраны окружающей среды.

Это объяснение относится ко всем негосударственным, продвигаемым рынком процессам. В случае с лесами экоНГО в действительности не обращаются к конечным покупателям продукции, поскольку это ограничило бы масштабы лесной сертификации и практики управления лесами. ЭкоНГО обращаются к крупным продавцам и потребителям продукции деревопереработки, таким как Home Depot. Эта тактика сокращает количество акторов, на которых экоНГО воздействуют непосредственно. Она позволяет не прибегать к кампаниям протеста, направленным на конечного покупателя, поскольку эффективность таких методов невысока. Определение воздействия этой тактики на распространение лесной сертификации и управление лесами — очень трудоемкая задача. Но дальнейшие исследования необходимы.

На этом этапе все еще стоит вопрос: может ли негосударственное продвигаемое рынком управление быть институционально оформлено, и в достаточной ли мере его нормы приняты общественностью? Распространение негосударственного продвигаемого рынком управления в будущем изменит формы и масштаб своего влияния как на окружающую среду, так и на социальную защищенность работников. Мы еще не можем полностью осознать весь потенциал негосударственного продвигаемого рынком управления, но уже можем понять, как происходят изменения, и какие силы лежат в их основе. И, наконец, нам следует знать, что традиционная экономическая трактовка рационального интереса людей только частично проясняет, чего может достичь негосударственное продвигаемое рынком управление.

Антонина Кулясова:

Я считаю, что пока трудно оценить общий эффект международных систем добровольной сертификации лесных компаний в области защиты окружающей среды. Однако на изученных нами российских примерах можно увидеть, что лесная сертификация по системе FSC имеет существенные положительные последствия для сохранения лесов и улучшения лесопользования. Например, она стала действенным инструментом сохранения старовозрастных лесов, выделения и сохранения особо ценных участков лесов, привела к более жесткому соблюдению российского лесоохранного законодательства, внедрению практик устойчивого лесопользования и лесопользования. Кроме того, лесная сертификация привела к тому, что вопросы экологии стали составной частью дискурсов высшего управленческого звена лесных компаний, что, в свою очередь, привело к осознанию ими необходимости принятия и осуществления экологической политики.

Именно благодаря лесной сертификации руководство и рядовые сотрудники предприятий стали задумываться об экологических проблемах лесопользования и внедрять новые, более экологически устойчивые практики. Все эти положительные изменения связаны именно с глобальностью процесса лесной сертификации, то есть с наличием глобальных механизмов, воздействующих на крупные лесные хол-

динги и их сертифицированные лесорубочные и лесоперерабатывающие предприятия. Именно глобальные силы в лице международных эконоНГО и воспитанного ими западного экологически ответственного покупателя стали главными движущими и контролирующими силами лесной сертификации в России.

Вместе с тем лесная сертификация осуществляется только крупными компаниями, ориентированными на западный экологически чувствительный рынок, поэтому ее положительные последствия для окружающей среды ограничены. Большая часть лесных предприятий России в лесной сертификации не участвуют, поэтому она не может помочь внедрению по всей России экологически ответственного лесопользования и устойчивого лесопользования¹⁴.

Иван Кулясов:

Сертификация включает в себя механизмы и структуры контроля за соблюдением социальных и экологических правил и норм акторами, вовлеченными в процесс сертифицирования. Контроль невозможен без экспертизы, в том числе независимой или общественной. Сертификационные системы конкурируют друг с другом, так как сами являются продуктом производства и товаром. Компания не «получает» сертификат, а приобретает его. Добровольная лесная сертификация является ликвидным нематериальным активом, который влияет на капитализацию компании.

Для того чтобы ответить на вопрос, может ли сертификация потребительских товаров быть эффективным инструментом защиты окружающей среды в условиях глобализации, я обращаюсь к результатам наших исследований случаев лесной сертификации по системе FSC. Они показали, что интересы местных жителей в области лесопользования в первую очередь касались сохранения традиционных мест природопользования, иногда поднимались вопросы сохра-

¹⁴ Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Преломление глобальных процессов в конкретной локальности (на примере пос. Малошуйка Архангельской области) // Спектр: Экология в Северо-западном регионе России. СПб.: ТЭИА, 2003. Октябрь. <http://www.spectrum.net.ru>.

нения особо ценных участков леса в экологическом и культурном их значении. Интересом бизнеса была прибыль, а администрации — получение с лесного предприятия налогов и пожертвований на социальную сферу. Успех межсекторального диалога в этих случаях был обусловлен деятельностью международных экоНГО, которые играли роль модераторов, благодаря наличию у них международного авторитета, опыта и средств.

В ходе наших исследований российских лесных предприятий и поселков стало очевидно, что системы добровольной лесной сертификации не только декларируют улучшение и защиту окружающей среды, но и успешно им способствуют. Лесная сертификация становится стратегией управления лесным предприятием, но при этом в нее вовлечена в полной мере небольшая группа управляющих предприятием. Другие работники предприятия и местное сообщество знает об этом процессе очень мало и не вовлечено в выработку экономической, экологической и социальной политики предприятия, хотя это предусмотрено требованиями FSC. Такой сценарий лесной сертификации объясняется тем, что усилия международных экоНГО в России пока направлены только на сертификацию крупных лесных компаний, играющих важную роль в социально-экономической и экологической политике региона.

Сертификация по системе FSC является эффективной тактикой для сохранения в России лесов высокой природоохранной ценности и повышения корпоративной ответственности¹⁵. При этом соблюдается основной критерий экологической модернизации — происходит улучшение состояния природных объектов и жизни людей. Если суммировать наши выводы о сертификации по системе FSC, то можно сказать, что налицо локальное улучшение окружающей среды. Системы добровольной сертификации это объективное требование не только рынка, но и общепланетарной экологической ситуации. Однако, лесная сертификация не может остановить ни истощение лесных ресурсов, ни экологи-

¹⁵ Пчелкина С.С., Кулясова А.А., Кулясов И.П. Лесная сертификация по системе FSC на примере Малошуйкалес и Двинского ЛПХ // Лесной бюллетень. 2004. №3 (26). Декабрь.

ческий кризис и надвигающуюся глобальную экологическую катастрофу. Повсеместного внедрения добровольных сертификационных систем недостаточно для защиты окружающей среды в условиях глобализации. Но они смогут значительно замедлить деградацию глобальной экосистемы.

Дара О'Рурке:

Новые системы «этических кодексов», независимый мониторинг, сертификация и маркирование имеют потенциал в качестве дополнительных форм управления глобальным производством. Маловероятно, что в существующих на сегодняшний день «добровольных» формах они смогут значительно изменить практики компаний, защитить большое количество рабочих и местных сообществ или окружающую среду. Но я верю, что эти инициативы могут служить экспериментом по негосударственному управлению, поэтому важно проникнуть в их суть и понять, как мы можем продвигать новые глобальные схемы управления. Ясно, что для влияния на глобальную производственную систему все еще важен потенциал озабоченности и власти потребителей. Если возможно будет сделать инициативы сертификации более прозрачными, то я верю, что в будущем стоит продолжать работать над ними.

Джон Урри:

Я конечно счастлив, что предметы, которые мы потребляем, маркируются и производители знают, что их продукт может стать предметом детального общественного и экспертного внимания, и, следовательно, общественность или эксперты могут их опозорить. В Великобритании это привело к практически полному отказу от выращивания и использования генетически модифицированных составляющих для производства продуктов питания. Тем не менее маркирование это только часть необходимого набора мер, поскольку ставит проблему в зависимость от индивидов. Маркирование пока не достаточно устоялась, рыночная ниша еще не создана, и оно зависит от индивидуального потребительского выбора.

Саскиа Сассен:

Я думаю надо выиграть битву за качественный продукт и сохранение природы на всех территориях и во всех смыслах. Это принципиально. Любая стратегия сама по себе, в отдельности, не достаточна.

Ирина Олимпиаева:

В целом механизм сертификации (имеется в виду так называемая «добровольная» сертификация), наверное, можно назвать эффективным, однако он неуниверсален. Его эффективность ограничена рядом условий, среди которых важнейшим можно считать наличие развитых рыночных отношений. Поскольку основным стимулом прохождения процедуры сертификации, связанной с немалыми финансовыми расходами компаний, является угроза их социально ответственному имиджу, то успех сертификации во многом зависит от того, насколько важно компаниям иметь такой имидж для экономического успеха на рынке. В странах с развитым капиталистическим рынком, где имидж компании выступает важным фактором ее конкурентоспособности, сертификация продукции действительно служит серьезным стимулом для укрепления позиций компании на рынке, а потому является эффективным механизмом защиты окружающей среды. В странах с развивающейся экономикой, где рыночные механизмы работают плохо, позиции компаний определяются факторами иного рода и мало зависят от социально ответственного имиджа. Поэтому здесь сертификация является значимым стимулом лишь для тех компаний, которые ориентированы на международный рынок и вынуждены соответствовать требованиям иностранных партнеров по бизнесу.

Артур Мол:

Да, сертификация и маркирование очень хорошо вписываются в процессы, происходящие в глобальном обществе. Усиливается транснационализация производственно-экономических цепочек и сетей. Те полномочия, которыми обладало ранее государство в рамках формальной политики, теперь передается субполитическим структурам и сетям. Наряду с этим наблюдается снижение доверия к эксперт-

ным оценкам со стороны населения. Все эти процессы — плодородная почва для расцвета маркировочных и сертификационных систем, особенно тех, которые основываются не только на государственных мероприятиях, а транснациональны по своей природе, и продвигаются НГО. Но, конечно, надо учитывать тот факт, что каждая сертификационная система характеризуется комплексом специфических особенностей и поэтому эффективность применения различных систем отличается. Следует отметить, что роль государства во всех перечисленных процессах изменяется, но не исчезает. Ведь сертификационные системы национальных государств всегда будут важны для решения большого комплекса национальных и социальных проблем.

5. Как вы считаете, какие теоретические подходы наиболее адекватны для анализа современных глобальных трансформаций и новых социальных практик?

Мария Тысячнюк:

По-моему, при теоретическом осмыслении глобальных процессов важно учитывать их многомерность, как это делает Саския Сассен при анализе глобальных городов. В этих городах наиболее четко проявляется проникновение глобальных процессов в локальные среды. Я согласна с Артуром Молом, что теоретические подходы мобильной социологии Джона Урри и социология сетей и потоков Мануэля Кастельса полезны для объяснения этой многомерности. Важно операционализировать определенные Кастельсом изменения понятия о пространстве и времени.

По Кастельсу, пространство потока существует преимущественно виртуально, а пространство места существует в конкретной локальности. Для теоретического объяснения глобализационных процессов очень важно понять соотношение, взаимодействие и взаимопроникновение процессов в потоках пространства и места. Поэтому теории Кастельса и Урри обладают высоким теоретическим потенциалом.

Вместе с тем я считаю, что Урри слишком далеко заходит, пропагандируя «социологию за пределами общества», отрываясь от локальности и говоря о «социологии потока без времени и пространства». Напротив, я считаю, что при

изучении процессов глобализации возрастает роль ученых антропологов и социологов-феноменологов, исследующих конкретные локальности. Антропологические подходы, глубинные интервью с местными жителями, участвующее наблюдение помогают понять, как глобальное отражается в локальном.

При этом также важна историчность подхода. Без понимания истории данного сообщества, его корней, социальных представлений людей, живущих в этом сообществе, невозможно понять, как глобальные процессы вписываются в исторические и культурные коды. Поэтому исторические и антропологические подходы важны для оценки глобальных процессов. Вместе с тем, я считаю, что должна измениться методология исследования социологов и антропологов. Важно, чтобы при исследованиях глобальных сетей акторов социолог проводил исследования там, где проходит поток и узлы управления этим потоком. Таким образом, исследователю важно путешествовать по миру и исследовать институты, связанные с данным потоком.

Социология сетей и потоков изучает общую структуру и функцию потока. Задача будущей теории — соединение в ней глобального и локального уровней. Я работаю в этом направлении и надеюсь, что мне удастся внести вклад в создание новой социологической макротeorии. На мой взгляд, это очень перспективное направление развития социологии.

Артур Мол:

Проще всего отослать по этому вопросу к моей статье, публикуемой в этом выпуске журнала. На мое конструирование текущих социальных трансформаций и практик больше всего повлияли Мануэль Кастельс и Джон Урри. В то же время по ряду вопросов я отклоняюсь от их позиции (смотри мою статью о власти, национальном государстве и гибридах). Я по-прежнему думаю, что эта статья — моя лучшая попытка понять и интерпретировать то, что происходит в современном глобальном обществе и окружающей среде.

Антонина Кулясова:

В настоящее время мы наблюдаем структурные социальные изменения, развитие экологического и других общественных движений, распространение ценностей экологически дружественного образа жизни, а также многочисленные проявления экологического кризиса. Значимость глобальных социальных, экономических и экологических проблем является причиной развития ряда теорий как в социологии, так и в других научных областях. Считаю, что перечисленные участниками круглого стола теории формируют в социологии новую парадигму, учитывающую глобальные экологические и социальные реалии.

Для анализа новых глобальных трансформаций и социальных практик, на мой взгляд, перспективна также теория общества риска и рефлексивной модернизации Ульриха Бека. Кроме того, теорию перспективно основывать на концепциях устойчивого и ноосферного развития.

Думаю, что новая социологическая макротеория должна получить признание и проявиться как теоретическое осмысление проблем авторами из различных областей науки, политики и бизнеса. Возможно, что она поможет осмыслить социальное движение за качество социоприродной среды обитания. Я считаю, что в ближайшем будущем все больше эмпирических исследований в контексте глобализации будет направлено на изучение изменения социальных практик, институционального развития и реформ, связанных с изменением состояния окружающей среды.

Дара О'Рурке:

Академические ученые определенно отстают от реальных изменений глобальной экономики, политических и социальных систем. Их дело начать тяжелую работу по эмпирическому документированию этих изменений, теоретическому объяснению динамики, лежащей в их основе. Их дело — найти причины и оказать помощь в создании стратегий более демократического управления процессом новых социальных трансформаций.

Джон Урри:

Я охарактеризовал природу глобального порядка-беспорядка через призму «глобальной комплексности». Я взял научную категорию комплексности, чтобы обеспечить социальную науку набором понятий, которые имеют дело с исчезновением определенности. Это такие понятия, как «новые аттракторы», «новые рыночные ниши» и «прототипные пути», «эффект бабочки», т.е. все, что может быть применено для анализа глобальных сред, включая Интернет, Макдоналдс, мобильность, бренды, «опозоривание». Я делаю различие между глобальными сетями и глобальными течениями, средами, которые за пределами национальных обществ адаптируются, коэволюционируют друг с другом и производят мир вне контроля, не просто анархический, но «на границе хаоса».

Бенджамин Кашор, Грем Аулд и Диана Ньюсон:

Наша работа связана с выявлением причин появления в лесном секторе негосударственного продвигаемого рынком управления (НПРУ). К созданию FSC, являющегося структурой НПРУ лесного сектора, привели три основных фактора: несостоявшееся подписание лесной конвенции на межправительственном уровне, распространение на рынке необоснованных, с точки зрения компаний, экологических требований к лесной продукции и провал бойкотов лесной продукции. Но каковы более глубокие причины этого нового феномена? Хотелось бы понять, можем ли мы выйти за пределы функционалистского объяснения базовых причин НПРУ? А также существуют ли сейчас теории, которые объясняют ключевые аспекты этих глобальных трансформаций и новых практик?

Выше мы обращались к работе Стивена Бернштейна, которая определяет глобальный нормативный сдвиг от понимания несовместимости охраны окружающей среды и развития экономики, к точке зрения, что охрана окружающей среды зависит от экономического роста¹⁶. Этот сдвиг определяет широкое распространение и привлекательность

¹⁶ Bernstein S. The Compromise of Liberal Environmentalism. NY.: Columbia Univ. Press, 2002.

лесной сертификации. Уже эта мысль стимулирует более глубокий вопрос: насколько хорошо может функционировать рынок в качестве арены для решения вопросов социального неравенства в глобальном мире и проблемы экологической деградации?

В истории есть примеры отрицательного влияния свободного рынка товаров, земли, денег и труда на социальную сферу и окружающую среду. То есть, требовалось институционализировать социальные программы государства, сдерживающие деструктивные эффекты свободного рынка¹⁷. Наша работа в конечном итоге привела к пониманию, что наличие НПРУ является феноменом другого рода¹⁸. В отличие от предыдущих попыток обуздания рынка, предпринимаемых государством или межгосударственными институтами, НПРУ использует рынок без участия государства. Социальные и экологические заинтересованные группы совместно оказывают давление на производителей и покупателей лесной продукции в надежде оказать влияние на рыночное поведение последних. Это давление, а также другие обстоятельства влияют на решения производителей и покупателей древесины идти ли им по пути систем НПРУ или нет.

Наша работа вносит вклад в метатеорию глобальных трансформаций через концептуализацию глобального НПРУ. Мы проводим теоретический анализ, чтобы ответить на определенные вопросы и протестировать процессы, которые мы считаем важными для понимания будущих путей НПРУ в лесном и других секторах.

Саскиа Сассен:

Я считаю, что, отвечая на третий вопрос, я уже ответила на этот.

¹⁷ Polanyi K. The great transformation. Boston: Beacon Press, 1957.

¹⁸ Cashore B. Legitimacy and the Privatization of Environmental Governance: How Non State Market-Driven (NSMD) Governance Systems Gain Rule Making Authority // Governance. 2002. No. 15. 4 October.

Иван Кулясов:

Для анализа современных глобальных трансформаций и новых социальных практик может быть полезна теория экологической модернизации, которая имеет потенциал для своего развития, поскольку все больше трансформационных процессов и социальных практик связано с экологизацией. В своих исследованиях я убедился, что роль личности и малых социальных групп в осуществлении программ экологической модернизации очень важна¹⁹. Зачастую малые социальные группы или сообщества продуцируют новые идеи и отработывают технологии, которые дальше внедряются и используются при экологической модернизации. Считаю, что полезно было бы применить теорию проторенного пути (path dependency).

Думаю, что будет перспективно рассмотреть возможности экологической модернизации на уровне малых социальных групп, которые находятся в процессе противостояния экологическим рискам и ориентированны на культивирование экологического сознания, экологической этики и экологически дружелюбного образа жизни.

¹⁹ Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теория и практики / Под ред. Ю.Н. Пахомова (предисловие). СПб.: НИИХ СПбГУ, 2004.